

Библейско-богословская коллекция
Серия «Богословские исследования»

Муретов М.Д., проф.
Введенский А.И., проф.

ОТЗЫВЫ НА РАБОТУ
А.А. СПАССКОГО
«ИСТОРИЯ
ДОГМАТИЧЕСКИХ
ДВИЖЕНИЙ В ЭПОХУ
ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ»

Богословский вестник, 1907, № 12, с. 37-55

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

нарный профессор С. И. Смирновъ—4 лекціи, временный преподаватель—заслуженный ординарный профессор П. И. Цвѣтковъ, заслуженный ординарный профессор Н. А. Заозерскій, экстраординарный профессор И. Д. Андреевъ, доцентъ А. И. Покровскій и и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—по 2 лекціи; б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ и и. д. доцента Д. Г. Коноваловъ—по 4 лекціи и экстраординарный профессор Н. Г. Городенскій — 2 лекціи; в) *по нахожденію въ отпускъ*—экстраординарный профессор А. А. Спасскій—10 лекцій; ¹⁾ г) *по случаю исполненія обязанностей присяжнаго застѣдателя въ окружномъ судѣ*—экстраординарные профессора А. П. Шостыинъ и И. В. Поповъ—по 4 лекціи.

2) *въ мартъ мѣсяцѣ*—а) *по болѣзни*: ординарный профессор А. И. Введенскій опустилъ 6 лекцій, ординарный профессор М. М. Тарѣевъ и и. д. доцента Е. А. Воронцовъ—по 4 лекціи и экстраординарный профессор А. П. Голубцовъ—2 лекціи; б) *по домашнимъ и семейнымъ обстоятельствамъ*: и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ—8 лекцій, и. д. доцента Д. Г. Коноваловъ и священникъ Д. В. Рождественскій—по 4 лекціи, и заслуженный ординарный профессор Н. А. Заозерскій—1 лекцію; в) *по нахожденію въ отпускъ*: экстраординарный профессор А. А. Спасскій—2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

XI. Отзывы о сочиненіи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи, магистра богословія, А. А. Спасскаго подъ заглавіемъ: „Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени). Томъ первый: Тринитарный вопросъ (исторія ученія о Св. Троицѣ)“. Сергіевъ Посадъ, 1906 г., представленномъ на соисканіе ученой степени доктора церковной исторіи:

а) Инспектора Академіи—заслуженнаго ординарнаго про-

¹⁾ Двухмѣсячный отпускъ для возстановленія разстроеннаго здоровья разрѣшенъ былъ экстраординарному профессору А. А. Спасскому резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 9 февраля 1907 года за № 641.

фессора по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта.
М. Д. Муретова:

„Книга проф. Спасскаго, предваряясь во введеніи (стр. 1—127) изложеніемъ ученія о Св. Троицѣ въ первые три вѣка (Апологеты, Ириней, Монархіанство конца 2-го и начала 3-го вѣка, Оригенъ и Савелліанство), занята обзорѣніемъ исторіи тринитарнаго вопроса въ 4-мъ вѣкѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ частныхъ отдѣловъ: 1) начальная стадія арианскихъ движеній (стр. 131—200), 2) первый вселенскій соборъ въ Никеѣ и его ближайшіе результаты (стр. 201—274), 3) антиникейская коалиція въ борьбѣ ея противъ никейцевъ (стр. 275—380), 4) новыя догматическія партіи, возникшія изъ распаденія антиникейской коалиціи, и постепенное объединеніе ихъ подъ главенствомъ оміевъ (стр. 351—414), 5) догматическія движенія въ царствованіе Юліана и Іовіана (стр. 414—454), 6) состояніе догматическихъ партій въ правленіе Валентиніана и Валента (стр. 454—478), 7) каппадокійцы и ихъ теологія (стр. 478—567), 8) завершительные результаты тринитарныхъ споровъ въ царствованіе Феодосія Великаго (стр. 568—652). Дальнѣйшія подробности содержанія книги, въ виду предваряющихъ отдѣлы и повторенныхъ въ концѣ книги подробныхъ оглавленій, нахожу лишними.

Освобождая, затѣмъ, себя отъ подробно-всесторонняго и научно-объективнаго разбора книги, ограничиваюсь предѣлами возложенной на меня обязанности дать официальный отзывъ о ней, только какъ о докторской диссертации, и оцѣнку ея только съ этой одной точки зрѣнія на нее.

Для сей цѣли нахожу нужнымъ отмѣтить слѣдующія особенности книги:

1) Со стороны *содержанія*. Авторъ беретъ не отдѣльную личность, не одно какое частное явленіе, литературный памятникъ для подробнаго и всесторонняго изученія, но обзрѣваетъ исторію цѣлой вѣковой эпохи, самой важной и самой обильной по своимъ послѣдствіямъ для христіанства, притомъ въ ея главнѣйшей и наиболѣе трудной для научной обработки сторонѣ—догматическіе споры о Св. Троицѣ и движенія по поводу этихъ споровъ въ христіанскомъ востокѣ и западѣ, ставя эти споры и движенія въ генетическую связь съ исторіей ученія о Св. Троицѣ въ первые три вѣка христіанства и даже еще далѣе назадъ раздвигая истори-

ческую перспективу до Филона, стоиковъ, Аристотеля и Платона. За исключеніемъ двухъ, сравнительно очень небольшихъ, трактатій (о сочиненіи Псевдо-Василія Великаго о Святомъ Духѣ, стр. 523—537, и о константинопольскомъ символѣ вѣры, стр. 588—628, гдѣ авторъ, вопреки Хорту и Гарнаку и слѣдуя въ общемъ проф. Лебеву, со всею основательностью доказываетъ подлинность символа и его принадлежность константинопольскому собору 381-го года), авторъ на всемъ протяженіи своего обширнаго труда нигдѣ не вдается въ спеціальныя разработки частныхъ и побочныхъ сторонъ предмета, но повсюду сосредоточивается на общихъ характеристикахъ эпохъ, лицъ, возрѣвій, на выясненіи преемственной связи и логическаго движенія идей, иногда на раскрытіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій того или другого хода догматическихъ споровъ и волненій и т. п. Это отсутствіе детальныхъ экскурсій освобождаетъ книгу отъ балласта разныхъ приложений и уклоненій, большею частію невыгодно отражающихся на ясности и сосредоточенности главнаго предмета, ведущихъ рѣдко къ вѣроятнымъ и всегда почти къ сомнительнымъ выводамъ. Охватывая предметъ цѣльно, всесторонне и сосредоточенно, трудъ автора получаетъ отъ этого характеръ авторитетнаго, капитальнаго и необходимаго для всѣхъ изучающихъ данную эпоху руководства, вродѣ настольной энциклопедіи или солиднаго научнаго курса. Всюду замѣтно, что авторъ вращается въ области предметовъ, долго имъ изучавшихся, духовно имъ пережитыхъ и изъ книгъ и источниковъ уже давно претворившихся какъ-бы въ собственное умственное казнохранилище автора, откуда онъ, какъ полный хозяинъ своего дѣла, свободно и властно, беретъ все, что ему надо въ данный моментъ и для извѣстной цѣли.

2) Содержанію книги вполне соотвѣтствуетъ ея *изложеніе*. Авторъ обладаетъ счастливымъ умѣньемъ давать краткія и яркія характеристики лицъ, партій и школъ, ихъ взглядовъ, настроеній,—подчеркивать характерныя детали, бросающія общій свѣтъ на цѣлыя группы явленій,—рисовать историческія перспективы, группировать и концентрировать доказательства, раскрывать генетическую и логическую связь идей и событій. Считаемо необходимымъ указать на эту особенность книги проф. Спаскаго, какъ на рѣдкость въ новѣй-

шихъ ученыхъ работахъ, имѣющихъ большею частью характеръ сборниковъ изъ частныхъ экскурсовъ съ расплывающимся въ этихъ околичностяхъ главныхъ предметомъ.

3) Въ тѣсной связи съ указанными двумя особенностями стоитъ и *методъ* труда проф. Спасскаго—чисто идеологическій, сосредоточивающійся преимущественно, если не исключительно, на идейной сторонѣ исторіи ученій о Св. Троицѣ въ первые четыре вѣка. То конечно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ дѣйствительно исторической жизни—идеи, ихъ соотношенія и движенія являются уже конечнымъ порожденіемъ и завершительнымъ выраженіемъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и сложныхъ факторовъ—этнографическихъ, географическихъ, политическихъ, социальныхъ, экономическихъ и пр. Въ отношеніи къ этимъ историческимъ факторамъ идеи являются уже послѣдними результатами той сложной, продолжительной, постепенной и незамѣтной работы, что служить какъ бы почвою, воздухомъ и свѣтомъ для порожденія и произростанія ихъ. Открытіе и уясненіе этихъ историческихъ производителей извѣстной идеологіи представляетъ задачу, хотя и въ высшей степени благодарную и плодотворную, но при настоящемъ состояніи науки едва-ли достижимую и весьма-весьма проблематичную,—большею частію приводящую только къ тому, что ярко очерченныя въ установившейся наукѣ контуры извѣстной идеологіи значительно ступшеваются, теряютъ отчетливость и лишаются отвлеченно-логической стройности системы, расплываясь въ разныхъ возможностяхъ и противозможностяхъ. Устранивъ изъ своей книги всю эту работу надъ изученіемъ жизненно-историческихъ факторовъ тринитарной идеологіи первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, авторъ сосредоточивается на созерцаніи и изслѣдованіи только уже завершительнаго порожденія эпохи, ея такъ сказать цвѣтка, съ яркою окраскою и стройнымъ рисункомъ. Эта отвлеченно-логическая замкнутость идеологіи самой въ себѣ и ея отрѣшенность отъ общей жизненно-исторической почвы даетъ автору полную возможность начертать движеніе тринитарныхъ идей эпохи съ удивительною логичностью, ясностью и стройностью. Постановка извѣстнаго вопроса, уясненіе и раскрытіе его частныхъ сторонъ въ слѣдующей затѣмъ полемикѣ, рѣшеніе спора и возникновеніе новаго вопроса на почвѣ тѣхъ же логиче-

скихъ противоположностей и съ подобнымъ же движеніемъ его въ спорахъ и рѣшеніи и т. д.—вотъ метода автора, нѣсколько напоминающая діалектику Гегеля, примѣненную Бауромъ и его учениками къ церковной исторіи первохристіанства. Эта метода, повторю, дѣлаетъ книгу автора твореніемъ необычайно красивымъ и яркимъ съ формально-логической стороны, благодаря чему ее нѣтъ надобности читать и перечитывать, вся она прочитывается отъ начала до конца съ неослабно захватывающимъ интересомъ и сразу же укладывается въ памяти ясно и полно.

4) Объясненіе и основаніе указаннымъ особенностямъ книги проф. Спасскаго, думается, надо искать въ отношеніи автора къ *источникамъ* для изучаемаго имъ предмета. Слѣдуя общепринятому обычаю, авторъ изучаетъ предметъ, какъ говорится, въ его собственной скорлупѣ, т. е. вопросъ догматическій изслѣдуется главнымъ образомъ, если не исключительно, по первоисточникамъ, такъ или иначе, прямо или косвенно, относящимся къ той же догматической области. И такъ какъ эти первоисточники составляютъ необходимый ингредиентъ самого изучаемаго явленія, то авторъ волей—неволей самъ увлекается ими въ потокъ этихъ догматическихъ споровъ и смотритъ на нихъ глазами своихъ же первоисточниковъ. Другими словами: въ большинствѣ и вообще авторъ сообщаетъ лишь содержаніе своихъ догматическихъ первоисточниковъ, и ничего болѣе, но только въ цѣльномъ и сосредоточенномъ изложеніи,—даетъ научно-систематичный, продуманный и провѣренный сводъ этихъ первоисточныхъ сообщеній. Но самые эти первоисточники, какъ мы говорили уже, остаются внѣ научнаго эксперимента, безъ провѣрки и освѣщенія разными другими факторами исторической жизни эпохи. Поэтому, въ концѣ концовъ, приобретаемая въ ясности, стройности и логичности съ формальной стороны, трудъ автора теряетъ въ исторической жизненности освѣщенія предмета и отзывается нѣкоторою отвлеченностью со стороны содержанія.

5) Объ отношеніи труда проф. Спасскаго къ многовѣковой, разноязычной и едва не безпредѣльной *литературѣ* предмета считаю нужнымъ замѣтить, что по каждому частному вопросу авторъ не скупится указывать общія и спеціальныя изслѣдованія иностранныя (нѣмецкія, французскія, англій-

скія), большею частію сопровождаая ихъ краткими рекомендаціями знатока дѣла и тѣмъ самымъ давая неопытному читателю—неспеціалисту возможность легко ориентироваться въ изученіи предмета. Въ отношеніи къ русской литературѣ по данному предмету трудъ проф. Спасскаго представляетъ болѣе широкую, болѣе обстоятельную и болѣе спеціальную разработку основы, заложенной учителемъ автора профессоромъ Лебедевымъ въ его докторской диссертациі. Въ этомъ можно прозрѣвать зачатокъ или намекъ русской церковно-исторической научной школы, за отсутствіе коей въ Россіи сдѣлалъ упрекъ покойный В. С. Соловьевъ въ некрологическомъ очеркѣ о проф. Болотовѣ.

Въ качествѣ представляющихся мнѣ недостатковъ книги нахожу нужнымъ указать только нѣкоторыя частности:

а) Въ объясненіи догматическихъ споровъ данной эпохи авторъ идетъ по проторенной уже дорогѣ александризма и антioxизма, аристотелизма и платонизма (филонизма и неоплатонизма), религіознаго мистицизма и научнаго раціонализма. При этомъ остается совершенно непонятнымъ, почему авторъ настойчиво и съ очевидною преднамѣренностью отбрасываетъ такимъ же, если не большимъ, правомъ давности обладающую, но шире и глубже захватывающую и яснѣе освѣщающую догматическія движенія древне-христіанскія, теорію іудаизма и эллинизма или семитизма и европеизма ариизма,—этихъ противоположностей, весьма ярко и разносторонне обнаружившихся какъ въ крайностяхъ идеологіи борющихся партій, такъ и въ этнографической и георафической сторонахъ этой борьбы,—этого вѣкового и печальнаго проявленія вражды между семитизмомъ и антисемитизмомъ, продолжающагося и до настоящаго времени. Съ одной стороны: вѣками воспитавшіеся и въ плоть и кровь семита проникшіе монотеизмъ, деизмъ и номизмъ, доведенные до крайности системы въ раввинско-іудейской теологіи,—представленіе Бога безусловно самозаключенною и внѣмірною личностію, безконечно и всецѣло отдѣленною отъ земли и челоувѣка, суровая формула заповѣди на заповѣдь и правила на правила,—отсутствіе, смягчающаго противоположности, принципа любви и взаимоединенія людей съ Богомъ, міромъ и между собою. Съ другой стороны: политеизмъ, пантеизмъ, распространеніе и проявленіе Бога въ мірѣ частныхъ явле-

ній и индивидуальнихъ бытій, неустойчивость и подвижность идеи, религіозно-философскій мистицизмъ—у грековъ и римлянъ. Для семита трудно представлять Бога иначе, какъ въ видѣ строго опредѣленной и отграниченной отъ остального бытія личности, по отношенію къ коей всякое другое (Сынъ, Святыи Духъ) духовное существованіе можетъ быть мыслимо тоже только личностью и притомъ только внѣбожественною, небогомъ. Для европейца (грека и римлянина), напротивъ, мало симпатична идея ригористическаго покоя Божества, его самозаключенности и отрѣшенности отъ всѣхъ прочихъ бытій,—отсутствія самодвиженія и самодѣйственности въ Первоначалѣ всего, наподобіе движенія и дѣйственности мышленія, идей, рѣчи. Для убѣжденія въ этомъ достаточно сравнить на примѣръ Платона или стоиковъ съ раввинско-деистическою теологіей и трагическую борьбу эллинизма и іудаизма въ Филоновой философіи, гдѣ эти противоположности, несмотря на геніальный синтезъ ихъ въ идеѣ Логоса, всетаки обнаруживаются и сильно даютъ себя знать въ конечныхъ выводахъ и нравственно-религіозныхъ элементахъ системы. Съ точки зрѣнія этихъ національныхъ противоположностей становится понятною, на первый взглядъ странная, борьба изъ-за такихъ, повидимому, маложизненныхъ отвлеченностей и чисто школьныхъ тонкостей, какъ *λόγος* и *ὁὐσία*, *ἰσοούσιος* и *ἰσοούσιος* и пр.,—почему эта борьба отличалась такою страстностью, велась такъ долго и упорно, захватывала такіе широкіе круги. Дѣло тутъ, конечно, не въ томъ непосредственно и исключительно, что одна партія отстаивала интересы религіи, а другая отличалась научнымъ раціонализмомъ. Нельзя доказать, чтобы крайніе выразители одной противоположности, именно: Іустинъ, Лукіанъ, Арій, Несторій, при всей сухости и чисто семитическомъ раціонализмѣ въ теологіи, въ отношеніи религіозности стояли ниже представителей другѣй крайности: Оригена, Савеллія, Маркелла. Дѣло тутъ въ борьбѣ двухъ, національно различныхъ, направлений ума и сердца, двухъ философій и логикъ, двухъ разныхъ умозрѣній и міровоззрѣній. Если для строго монотеистическаго, деистическаго и раціоналистическаго настроенія семита было неудобопредставимо единство Божества въ троичности лицъ, безъ выдѣленія Сына и Духа изъ божеской сущности въ рядъ небоговъ и тварей,—то для полите-

истической, пантеистической и мистической тенденціи европейца было трудно усвоить идею строго замкнутого въ своемъ отвлеченномъ единствѣ Божества, безъ проявленія Его жизни въ саморазвитіи своихъ силъ, непрестанномъ порожденіи идей и осуществленіи ихъ въ реальномъ мірѣ. Идея троичности божескихъ лицъ при сліяніи ихъ въ единствѣ божеской сущности или Троица въ Единицѣ—для однихъ и идея единства Божества при отграниченности трехъ особыхъ лицъ или Единица въ Троицѣ—для другихъ представлялись несоединимыми противоположностями, ведущими въ концѣ концовъ къ безбожію и отрицанію религіи воообще и христіанства въ частности. Отсюда легко и естественно объясняются всѣ прочія противоположности въ исторіи догматическихъ движеній древняго христіанства. Семитизмъ: Іустинъ, монархіанизмъ, субординаціонизмъ, динамизмъ, аріанство и несторіанство,—европеизмъ: модализмъ, патрипассіанство, оригенизмъ, савелліанизмъ, маркелліанство. Антіохія сирская съ одной стороны и Александрія съ Константинополемъ — съ другой. У однихъ: преобладаніе раціонализма и резонерства, сухія формулы Аристотелевой логики и философіи, деизмъ и монотеизмъ раввинизма,—у другихъ: идеологія Платона, пантеизмъ стоиковъ, мистицизмъ Филона и Плотина. Контрасты на этой почвѣ могутъ быть разработаны гораздо шире и глубже,—особенно въ христологическихъ движеніяхъ. Невниманіе къ этой сторонѣ предмета представляется мнѣ тѣмъ менѣе понятнымъ, что уже въ самомъ Новомъ Завѣтѣ ясно сознана и точно выражена идея претворенія въ христіанствѣ эллина и іудея въ новочеловѣка по Христу и примиренія двухъ этихъ противоположностей въ новой твари по образу Адама Духовнаго,—что эта идея явно живетъ въ исторіи христіанства и воочію осуществляется до днесь, — что наконецъ она совсѣмъ не новость и въ наукѣ. Во всякомъ случаѣ новое и спеціальное освѣщеніе догматическихъ движеній въ первые вѣка христіанства съ точки зрѣнія противоположностей эллинизма и іудаизма мнѣ представляется дѣломъ весьма плодотворнымъ и многообѣщающимъ для уясненія древней церковной исторіи.

б) Недостатокъ спеціальнаго изученія греческой философіи, особенно Филона, нерѣдко приводитъ автора къ мало обоснованнымъ утвержденіямъ, напримѣръ:

Сужденіе Іустина, что „еллипскіе философы и поэты дѣйствовали подѣ влияніемъ Логоса“ будто бы „это былъ крупный шагъ не только въ исторіи богословскаго творчества, но и въ исторіи общечеловѣческой мысли“ (стр. 12)... „Отсюда возникаетъ, быть можетъ, единственное во всемъ мірѣ притязаніе, что все, что сказано гдѣ-либо хорошаго, принадлежитъ христіанамъ“ (стр. 13). Но это есть и у Филона по отношенію къ Мойсею и Ветхому Заѣвту.

Или будто бы „у Филона необходимость Логоса основывалась на понятіи о матеріи, какъ началѣ несомвѣстимомъ или противоположномъ и даже самобытномъ въ отношеніи къ абсолютному“ (стр. 16).

Въ сужденіяхъ объ ученіи Иринея (на стр. 28—30) забывается новозаѣвное ученіе. Къ свидѣтельству Плутарха, что „Пиеагоръ и Платонъ учили о нетлѣнни души“ авторъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „свѣдѣніе невѣрное, но важное, какъ свидѣтельство о существованіи этихъ идей во времена Плутарха“ (стр. 30 прим.), хотя Платонъ несомнѣнно училъ о безсмертіи души (Федонъ).

Многія, объясняемая авторомъ заимствованіями у Плотина, философскія мысли и сужденія церковныхъ писателей сводятся къ Филону.

На стр. 230 авторъ утверждаетъ: „у Таціана находимъ такія выраженія: „Богъ есть ипостась всего или *ипостась плотской матеріи* (?), т. е. сущность или существо плотской матеріи“, ссылаясь на *Orat. adv. Graecos capp. 5—6*. Невозможность такого ученія для Таціана явствууетъ уже изъ того, что онъ утверждаетъ: „*πνεῦμα ὁ θεός, οὐ διήκων διὰ τῆς ὕλης, πνευμάτων δὲ ὕλικῶν καὶ τῶν ἐν αὐτῇ σχημάτων κατασχευασθήσ...* *πνεῦμα γὰρ τὸ διὰ τῆς ὕλης διήκων ἔλαττον ὑπάρχει τοῦ θειοτέρου πνεύματος* („Богъ есть духъ, не проникающій чрезъ матерію... ибо духъ, проникающій чрезъ матерію, есть меньше духа божественнаго“: какимъ же образомъ, какъ таковой духъ, Богъ можетъ быть существомъ или субстанціей матеріи?)... „Богъ—Владыка всяческихъ, самъ будучи ипостасью (очевидно: основаніемъ, зиждителемъ, творцомъ и первовиновникомъ) всего (универса), по отношенію къ еще небывшему творенію былъ одинъ. Посему всякою силою и ипостасью (основаніемъ, зиждителемъ) онъ былъ какъ видимыхъ, такъ и невидимыхъ, съ Нимъ все: съ Нимъ посред-

ствомъ разумной силы существовалъ и самъ Логосъ, который былъ въ Немъ... и какъ Логосъ, въ началѣ рожденный, съ своей стороны породилъ твореніе насъ, *Самъ образовавъ для Себя матерію* (*αὐτὸς ἑαυτῷ τὴν ὕλην δημιουργήσας*)... *идо не безначальна матерія какъ Богъ и по причинѣ этой безначальности сама не равносильна Богу, но сотворена и не отъ кого другого произошла, а произведена однимъ Творцомъ всего* (*οὕτε γὰρ ἀναρχον ἢ ὕλη καθάπερ ὁ θεός, οὐδὲ διὰ τὸ ἀναρχον καὶ αὐτὴ ἰσοδύναμος τῷ θεῷ· γεννητὴ δὲ καὶ οὐχ ὑπο τοῦ ἄλλου γεγονυῖα μόνου δὲ ὑπο τοῦ πάντων δημιουργοῦ προβεβλημένη*)... Не существуя до своего рожденія, я не зналъ, кто я былъ, но только въ субстанціи (т. е. въ общей первоматеріи) *плотской матеріи* я существовалъ (*οὐχ ὦν πρὶν ἢ γενέσθαι, εἰς ἡμῖν, οὐχ ἐγένωσκον, μόνου δὲ ἐν ὑποστάσει τῆς σαρκικῆς ὕλης ὑπάρχον*)... Богъ, царь всего, когда восхоцетъ, возстановитъ видимую Ему одному субстанцію (*ὄρατὴν αὐτῷ μόνῳ ὑπόστασιν*—т. е. тѣла умершихъ людей) въ прежнее состояніе“... Какъ видимъ, здѣсь нѣтъ нигдѣ и намекъ на то, что Богъ есть ипостась или сущность или существо плотской матеріи, напротивъ—Онъ есть Творецъ матеріи, изъ которой образовалъ человѣка и міръ.

Стр. 479: „Изъ него (Василія Великаго) никогда не могъ выработаться епископъ въ родѣ Ефрема Сирина, *вся жизнь котораго сосредоточивалась въ мистическихъ восторгахъ и религіозныхъ ощущеніяхъ*“. Но Ефремъ Сириный епископомъ не былъ и, кромѣ молитвъ, стихотвореній и словъ, оставилъ обширные труды по толкованію Библии Ветхаго и Новаго Заѣта и догматико-полемицескіе.

Въ характеристикѣ Василія Великаго, какъ и въ сужденіяхъ объ аріанствѣ замѣтны нѣкоторыя преувеличенія.

в) Наконецъ филологическая сторона труда оставляетъ мѣсто для многихъ пожеланій.

Весь аппаратъ исчерпывается Пассовымъ, Stephanus'омъ и Sophocles'омъ, принадлежащими уже къ лексикографической археологіи (ср. стр. 371 пр. 2 и 495 пр. 2).

Филологическія экскурсіи объ *οὐσία*, *ὄμοιος*, *ὑπόστασις* (стр. 229 сл.) слабы.

Разсужденіе объ *ὑπόστασις* на стр. 230: „въ четырехъ мѣстахъ Новаго Заѣта (2 Кор. 9, 4; 11, 17; Евр. 1, 3; 11, 1), гдѣ встрѣчается это слово, оно вполне можетъ быть замѣ-

нено посредствомъ *οὐσία*“ далеко не можетъ быть выражено въ такой категорической формѣ и притомъ встрѣчается съ пятымъ, автору очевидно неизвѣстнымъ, мѣстомъ (Евр. 3, 14), гдѣ это слово не можетъ быть замѣнено посредствомъ *οὐσία*.

Крайне непріятное впечатлѣніе производитъ безграмотная орѳографія греческихъ текстовъ въ родѣ *ἐκτεβις* на стр. 369, 379, 426, *μητροῖ* стр. 78, *ὄντως* стр. 7. 16 прим., *concedet* вм. *condecet* стр. 74 пр. 2, и др. мн. под. особенно во введеніи, такъ что по этой сторонѣ книга проф. Спасскаго представляетъ довольно рѣдкое исключеніе даже въ русской печати.

Но эти и подобныя, хотя и не малочисленныя, мелочи суть только безконечно малая величина въ общей суммѣ крупныхъ достоинствъ капитальной работы проф. Спасскаго, уже давно снискавшаго себѣ не только въ Россіи, но и за границу (своею магистерскою диссертациею объ Аполлинаріи) широкую и почетную извѣстность, почему увѣнчаніе его, искомою имъ, высшею ученою академическою степенью доктора церковной исторіи будетъ со стороны Совѣта только дѣломъ справедливости и долга.“

б) ординарнаго профессора по кафедрѣ метафизики и логики *А. И. Введенскаго*:

„Не нужно быть специалистомъ, чтобы оцѣнить по достоинству тѣ мастерскія, запечатлѣнныя печатью несомнѣннаго историческаго таланта, страницы диссертациі, на которыхъ проф. А. А. Спасскій, отстранивъ увѣренною рукою знатока ложныя научныя гипотезы, предлагаетъ свое рѣшеніе того или другаго запутаннаго вопроса (см. особенно стр. 243 и слѣд., ср. стр. 419, 517, 597 и др.). Впечатлѣніе здѣсь у читателя получается приблизительно такое же, какъ у путника, который, проблуждавъ долгое время въ лѣсной чащѣ, по капризно извивающимся тропинкамъ, и почти уже утративъ надежду изъ нея выбраться, вдругъ очутился у выхода, на открытомъ просторѣ съ широкой перспективой... Если Церковная Исторія доживетъ у насъ, на Руси, когда-нибудь до того времени, до какого уже давно дожили другія отрасли исторической науки,—до того времени, когда будутъ появляться и въ этой спеціальной области не только хорошія диссертациі, какихъ уже и теперь достаточно, и не только плохіе учебники, въ которыхъ, къ сожалѣнію, также недостатка у насъ нѣтъ, но и умѣло составленныя хрестоматіи,—

то я думаю, что многія страницы изъ диссертациі проф. Спасскаго, отмѣченныя и другія, войдутъ туда и—по достоинству! Правда, чтобы попасть на эти, живописныя и полныя выразительной идейной красоты, научные оазисы, читателю реферируемой мною диссертациі приходится иногда пощучать надъ страницами сухаго историческаго матеріала, довольно громоздкаго, требующаго напряженнаго вниманія къ деталямъ. Но разъ авторомъ поселена надежда, что рано или поздно читатель его книги будетъ вознагражденъ за терпѣніе, послѣдній спокойно ждетъ и надежда обыкновенно его не обманываетъ. Именно благодаря этому, ученая диссертациія г. Спасскаго, написанная въ строго выдержанномъ стилѣ, читается съ интересомъ съ начала и до конца.

Не нужно быть, далѣе, специалистомъ, чтобы, просматривая въ диссертациі подстрочники, убѣдиться, что она выполнена вполне добросовѣстно: цитациа обильная и обыкновенно изъ первыхъ источниковъ. Въ тѣхъ-же, сравнительно немногихъ, случаяхъ, когда авторъ слѣдуетъ указаніямъ другихъ ученыхъ, онъ всегда оговариваетъ это, иногда нарочито добавляя, что взятыя имъ въ томъ или другомъ случаѣ „изъ вторыхъ рукъ“ ссылки имъ самостоятельно проверены (см., наприм., стр. 530 и др.). Такъ же добросовѣстно поступаетъ онъ и въ отношеніи къ ученымъ, наприм., профессорамъ: Болотову (стр. 87), А. П. Лебедеву (стр. 598), Гарнаку и др., по слѣдамъ которыхъ иногда проходитъ. Не менѣе точенъ онъ и въ обильной цитациі изъ древне-греческихъ философовъ. По нѣкоторой прикосновенности къ этой сторонѣ диссертациі, рецензентъ особенно интересовался ею, время отъ времени дѣлая, въ оказавшихся подъ его руками книгахъ, справки. Но эти справки не дали его критицизму никакой пищи, въ желательномъ для всякаго критика-рецензента смыслѣ, то-есть въ смыслѣ отысканія неточностей, передержекъ и т. д... А поле здѣсь, казалось бы, благодарное: вѣдь въ диссертациі проведено множество параллелей между ученіемъ выразителей церковнаго вѣросознанія и—древнихъ философовъ!

Не нужно, наконецъ, быть специалистомъ, чтобы понять и признать, что общее движеніе мысли въ диссертациі удовлетворяетъ сколько требованію научной объективности, столько-же и запросамъ православно-вѣрующаго сознанія.

Всѣ основные пункты поставлены въ ней научно твердо, въ смыслѣ церковной догмы, и убѣдительно, въ смыслѣ философски-спекулятивно раскрытой, историко-генетическимъ методомъ, истины. При этомъ разграничительныя линіи между философскими спекуляціями, выросшими на почвѣ эллинизма, съ его пантеистическими основами, и христіанскою истинною повсюду, начиная съ прикосновенія христіанской мысли къ ученію о Логосѣ (стр. 15, 21 и др.), указываются совершенно опредѣленно. Главные моменты изучаемаго въ диссертациі историческаго процесса т. е. дѣятельность Вселенскихъ соборовъ, перваго и втораго, вырисовываются въ сознаніи читателя въ особенно возвышенномъ свѣтѣ. „Церковная традиція“—пишетъ нашъ авторъ (213),—„справедливо возвела Соборъ 318-ти Отцовъ въ идеаль христіанскаго безпристрастія въ изслѣдованіи вопросовъ вѣры“. И онъ обосновываетъ этотъ свой тезисъ вполне убѣдительно. Похвала же безсмертному творенію Константинопольскаго Собора выражена такъ энергично, что трудно было бы что-либо прибавить: „по сравненію съ Никейскимъ символомъ, изданное отцами Константинопольскаго Собора вѣроизложеніе“ — пишетъ авторъ (стр. 614),—„представляетъ собою художественное цѣлое, далеко превосходящее Никейскій символъ, какъ по выработанности формы, такъ и по богатству и цѣнности догматическаго содержанія“. И это положеніе нашъ ученый также вполне оправдываетъ. Читатель диссертациі съ полнымъ удовлетвореніемъ убѣждается изъ нея, что именно благодаря трудамъ нашихъ православныхъ богослововъ (иниціатива здѣсь принадлежитъ проф. А. П. Лебедеву, заслугу котораго авторъ выставляетъ въ полномъ свѣтѣ, справедливо рассматривая его теорію, какъ „открытіе“, стр. 598), мы, православные, вполне можемъ признавать Никео-Константинопольскій символъ, вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ, не только подлиннымъ, но и удовлетворяющимъ всѣмъ, какъ научно-художественнымъ, такъ и религиознымъ требованіямъ и запросамъ. Это чрезвычайно важный результатъ, придающій диссертациі проф. Спасскаго большую, не только научную, но и церковно-практическую цѣнность.

На послѣднихъ страницахъ своей книги онъ пишетъ (стр. 647—651, *passim*):

„Окидывая ретроспективнымъ взглядомъ весь пройденный

путь, мы ставимъ послѣднюю точку съ невольнымъ уваженіемъ и удивленіемъ предъ той широтой мысли, глубиной содержанія и разнообразіемъ возрѣній, съ какимъ выступаетъ предъ нами богословское творчество древней церкви. Получивъ мощный толчокъ въ ученіи апологетовъ, впервые въ идеѣ Логоса объединившихъ христіанство и всю эллинскую культуру въ одно неразрывное цѣлое и въ Лицѣ Христа указавшихъ центръ интеллигентнаго развитія всего человѣчества, богословская мысль въ древней философіи нашла неисчерпаемый источникъ для теоретическаго выраженія своего собственнаго содержанія... Фактъ вліянія эллинской философіи на христіанство является нагляднымъ подтвержденіемъ той универсальности, въ какой съ самой первой поры выступаетъ христіанская религія на исторической сценѣ, ея необыкновенной способности воспринять въ себя всѣ лучшіе элементы современнаго ей міра, усвоить себѣ и связать съ собой неразрывною связью.

„Съ другой стороны, значеніе обсуждаемаго факта не должно быть и преувеличиваемо. При всемъ формальномъ сходствѣ между неоплатонизмомъ и христіанствомъ, въ ихъ конечныхъ итогахъ, въ самомъ существѣ ихъ ученія обнаруживается громадная разница... Въ этомъ отношеніи и самый фактъ вліянія эллинской философіи на церковную догматику получаетъ совершенно новый смыслъ. Онъ былъ не *превращеніемъ* христіанства въ эллинизмъ, а наоборотъ: *обращеніемъ эллинизма въ христіанство*. Метафизическія идеи философіи, пересаживаемыя въ христіанскую церковь, здѣсь перерождались и получали другой высшій и духовный смыслъ и, какъ въ другихъ областяхъ жизни, такъ и здѣсь, въ сферѣ философіи, христіанская религія извлекла всѣ свѣжіе соки, преобразовала ихъ сообразно своему собственному духу и усвоила себѣ, какъ принадлежащую себѣ собственность. Паденіе эллинской философіи, послѣдовавшее такъ быстро послѣ Плотина и Порфирія, объясняется не столько общимъ упадкомъ философскаго генія эллинизма, сколько именно тѣмъ опустошеніемъ, какое произвело въ немъ христіанство, отнявъ у него лучшіе элементы.

„При всемъ томъ, основной пунктъ христіанской религіи,— непоколебимая вѣра въ то, что Логосъ Божій, адекватное откровеніе Божества (Оригенъ и Аѳанасій) или Сынъ Божій

вторая ипостась св. Троицы (у Каппадокійцевъ) въ опредѣленный моментъ истории человѣчества сошелъ на землю, сдѣлался человѣкомъ, открывъ людямъ тайны царства Божія, основалъ Свою церковь на землѣ, пострадалъ за грѣхи рода человѣческаго, побѣдивъ смерть, и воскресъ изъ мертвыхъ, открывъ людямъ путь къ богоуподобленію и обожествленію не только по душѣ, но и по тѣлу,—этотъ пунктъ, лежащій въ качествѣ внутренняго мотива въ основѣ всѣхъ тринитарныхъ движеній, составлялъ исключительную особенность христіанскаго вѣроученія, совсѣмъ недоступную понятіямъ даже самыхъ возвышенныхъ и лучшихъ людей эллинизма. И при всемъ сходствѣ между нравственнымъ ученіемъ неоплатонизма и христіанства, этотъ пунктъ вносилъ коренное различіе въ самое поле нравственнаго міросозерцанія, замѣняя пессимизмъ, невольно просвѣчивавшій въ неоплатонизмѣ, возвышеннымъ и духовнымъ оптимизмомъ“.

Какъ видимъ, это сказано очень точно, глубоко и принципиально.

Вообще, оцѣнивая диссертацию проф. Спасскаго критеріями обще-научными, мы должны безъ колебанія признать ее по формѣ, то-есть по методамъ и приѣмамъ обработки, трудомъ научно-добросовѣстнымъ, а по содержанію, то-есть по установленнымъ въ ней результатамъ и по общему освѣщенію историческихъ перспективъ, трудомъ объективно-правильнымъ, удовлетворяющимъ запросамъ философски развитаго православнаго вѣросознанія.

Но, конечно, при чтеніи диссертации, у рецензента время отъ времени поднимались и возраженія.

Такъ, прежде всего, онъ пожалѣлъ, за себя и за другихъ, о томъ, что авторъ не фиксировалъ содержаніе своей диссертации въ формѣ отдѣльныхъ тезисовъ,—въ концѣ главъ, а еще лучше бы въ концѣ диссертации. При томъ обилии и чрезвычайномъ разнообразіи богословскихъ разномнѣній изучаемой эпохи, которыя непрерывно показываются на поверхности историческаго потока творческой религіозной мысли и вновь падаютъ въ ея мистическія глубины, очень трудно слѣдить за ними и выполнять ихъ сравнительную оцѣнку. Параллельное же, въ формѣ тезисовъ, сопоставленіе этихъ разномнѣній значительно помогло бы читателю въ нихъ ориентироваться. Желательно было бы также найти въ концѣ

книги хоть небольшой словарикъ—наиболѣе важныхъ терминовъ, съ надлежащими сносками на страницы диссертации. Здѣсь же я долженъ съ сожалѣніемъ указать на то, что въ корректурномъ отношеніи диссертация крайне неисправна. На иныхъ страницахъ совсѣмъ не замѣтно корректорской руки. Это мелочь, конечно, но досадная, а иногда и очень.

Далѣе, рецензента настраивали нѣсколько оппозиціонно нѣкоторыя изъ намѣченныхъ въ диссертации характеристикъ выдающихся дѣятелей изучаемой въ ней эпохи. Особенно это слѣдуетъ сказать о характеристикѣ Василия Великаго (стр. 480 и слѣд.). Нельзя, конечно, отрицать права ученыхъ историковъ указывать, на основаніи источниковъ, тѣ или другія тѣневныя стороны даже и въ характерѣ людей, признанныхъ „великими“ и святыми. Но необходимо, чтобы эти указанія ставились всякій разъ въ правильную историческую перспективу. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ, широко воспользовавшись этимъ правомъ относительно Василия Великаго (по его замѣчаніямъ, „это былъ скорѣе опытный дипломатъ и свѣтскій епископъ“, съ большимъ запасомъ „властолюбія“, „честолюбія“, „гордившійся своей ученостью“ и т. д.), не достаточно позаботился о томъ, чтобы не оставлять читателя подъ давленіемъ этихъ квалификацій и не показывать, какъ стихійное, природное, такъ сказать *савловское* превратилось въ Василии Великомъ въ *павловское*, какъ проникновеніе благодатно-христіанскими началами выжгло въ душѣ его страстное и „свѣтское“ и какъ, вслѣдствіе этого, онъ поднялся на ступень признанной и исповѣданной Церковію святости... Обычный, характеризующій автора въ другихъ частяхъ книги научный тактъ, къ сожалѣнію, здѣсь нѣсколько измѣнилъ ему. Кое-что, въ исправленіе первоначальнаго впечатлѣнія, правда, на дальнѣйшихъ страницахъ имъ сказано. Но сказано, по крайней мѣрѣ, на мою личную оцѣнку,—недостаточно: первоначальные минусы не уравновѣшены позднѣйшими плюсами. Да и художественной цѣльности въ фигурѣ не получилось.

Наконецъ, мнѣ хотѣлось бы высказать и еще одно соображеніе,—уже общаго характера, относительно, такъ сказать, воплощенія въ книгѣ *идеи цѣлаго*. Существуетъ, какъ извѣстно, три типа обработки исторіи: хроникальная, прагматическая и философская. Трудъ автора, по методу и прие-

мамъ обработки, можетъ быть поставленъ на переходъ отъ второго типа къ третьему: хотя собственная задача автора состояла въ томъ, чтобы установить именно историческій прагматизмъ изучаемой эпохи, въ предѣлахъ своей темы, но онъ, какъ мы отчасти и видѣли, не чуждается и философско-идейнаго освѣщенія процесса, что выразилось всего яснѣе въ заключительныхъ страницахъ книги, приведенныхъ нами въ извлеченіи выше. И поскольку вопросъ идетъ объ идеѣ цѣлаго *въ чистой формѣ*, она, какъ я сказалъ, не возбуждаетъ возраженій: она ясна и опредѣленна. Но рецензенту не разъ, при чтеніи книги, приходилось пожалѣть о томъ, что, подъ пестрою тканью историческаго прагматизма, опредѣляемаго борьбою старыхъ традицій и новыхъ запросовъ, нерѣдко страстей и интригъ, идея цѣлаго недостаточно выступаетъ въ качествѣ *живого творческаго фактора процесса, его основнаго стимула и вмѣстѣ элективного принципа*, такъ чтобы читатель ясно видѣлъ,—по крайней мѣрѣ на существенныхъ, поворотныхъ пунктахъ процесса,—какъ живое, православно-христіанское сознание, побѣждая и отстраняя одно, ему инородное, претворяло въ свой составъ другое, сродное. Говоря иначе, читатель диссертации, хотя и находить въ ней опредѣленную *чистую идею* процесса (особенно въ концѣ книги), но не видитъ *идеи-силы, какъ откровенія въ исторіи создающихъ ее высшихъ творческихъ началъ*, какъ бы мы ихъ не опредѣляли частіе. Конечно, рецензентъ сознаетъ, что онъ не въ правѣ ожидать полного удовлетворенія этихъ своихъ запросовъ отъ историко-прагматиста; но, съ другой стороны, дочитавъ до конца диссертацию, онъ очень пожалѣлъ о томъ, что сказанное на послѣднихъ страницахъ не прошло чрезъ всю книгу, начиная съ первыхъ, такъ чтобы идея не только объединяла и осмысливала съ высшей религіозно-философской точки зрѣнія, цѣлое, но выступала именно въ качествѣ творческой идеи-силы процесса.

Однако, все это, конечно, лишь мои *личныя* впечатлѣнія, можетъ быть даже въ нѣкоторой степени и субъективныя. Притомъ вѣдь извѣстно, что высказывать пожеланія всегда гораздо легче, чѣмъ ихъ выполнять. Въ данномъ же случаѣ,—примѣнительно къ столь сложной, отвѣтственной и важной темѣ, какова тема диссертации,—и особенно.

Если же, оставляя въ сторонѣ субъективную точку зрѣнія,

мы возвратимся къ объективной и примемъ во вниманіе то, что было уже сказано выше о достоинствахъ диссертациі, при оцѣнкѣ ея критеріями общенаучными, то *должны* будемъ, *безъ колебаній, признать трудъ проф. А. А. Спасскаго вполне удовлетворяющимъ той цѣли, для которой онъ представленъ въ Совѣтъ Академіи, а его автора вполне достойнымъ увѣнчанія искомою имъ степенью Доктора Церковной Исторіи*“.

Справка: 1) § 142 устава духовныхъ академій: „Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертациі или ея чиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлью полученія ученой степени“.—2) Профессоръ А. А. Спасскій степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи 3 декабря 1895 года и утвержденъ въ означенной степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 30 января 1896 года за № 552.—3) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „удостоеніе степени магистра и доктора“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, утвердить экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи, магистра богословія, А. А. Спасскаго въ искомой имъ ученой степени доктора церковной исторіи и выдать ему дипломъ на означенную степень.

XII. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„За выходомъ въ отставку заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ В. О. Ключевского и П. И. Цвѣткова въ Академіи въ настоящее время остаются свободными двѣ вакансіи ординарнаго профессора. Въ виду послѣдовавшаго въ настоящемъ собраніи Совѣта утвержденія въ степени доктора церковной исторіи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи А. А. Спасскаго, состоящаго на духовно-учебной службѣ съ 16-го августа 1890 года и въ званіи экстраординарнаго профессора—съ 1 декабря 1897 года, считаю долгомъ предложить Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ избраніи профессора Спасскаго на одну изъ упомянутыхъ вакансій ординарнаго профессора“.

Справка: 1) § 45 устава духовныхъ академій: „Ординарные профессора академіи должны имѣть степень доктора богословскихъ наукъ“.—2) По § 81 лит. в. п. 4 академическаго устава: „избраніе кандидатовъ на должности профессоровъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи со дня избранія, т. е. съ 12 апрѣля 1907 года, экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи, доктора церковной исторіи, А. А. Спаскаго—въ званіи ординарнаго профессора Академіи.

XIII. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковной археологіи и литургіи *А. П. Голубцова*:

„Представляя труды свои, а именно: „Соборные Чиновники и особенности службы по нимъ“ (Москва. 1907 г.), „Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора“ (М. 1899), „Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора“ (М. 1903) и „Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора“ (М. 1905) на степень доктора, почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Справка: 1) §§ 142 и 81 лит. а. п. 6 устава духовныхъ академій.—2) Профессоръ А. П. Голубцовъ степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московскои Духовнои Академіи 25 ноября 1901 года за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны“, Москва, 1891 года, и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 10 января 1892 года за № 179.

Опредѣлили: Труды экстраординарнаго профессора А. П. Голубцова передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ русской церковной исторіи *С. И. Смирнову*.

XIV. Заявленіе Пресвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ представляемыхъ на степень доктора трудовъ экстраординарнаго профессора Академіи А. П.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru